

«БЫТЬ зрителем — великое счастье и несчастье»

В ГОСТЯХ У БАЛТИЙСКОЙ МЕДИА-ГРУППЫ ПОБЫВАЛ
ЗНАМЕНИТЫЙ РЕЖИССЕР Роман ВИКТЮК

Премьера. Я подхожу к МХАТу и вижу афишу: «К 50-летию образования СССР. «Украденное счастье». А вечером на премьеру приезжает Политбюро. Это страшнее всего. Позвали Ефремова. Он приходит, играет желваками. Я ему говорю: «Это не я, это вы афишу утвердили». Он говорит: «Ох, б... ты нас всех в Сибирь отправишь». Да... Так что в театр я буду приходить просто как человек.

Говорить с Романом Григорьевичем — это всегда особый опыт, не похожий ни на какое другое общение. На каждый свой вопрос ты получаешь монолог, материалом для которого служит какой-нибудь случай из долгой и многообразной жизни режиссера. Потом туда приплетаются другие воспоминания... Виктюрк вскакивает, ходит вокруг, показывает действующих лиц, восклицает — и становится ясно, что твой вопрос стал поводом не для ответа — для нового, талантливо срежиссированного моноспектакля, который никогда не будет записан в послужной список режиссера. В Петербург Роман Виктюрк приехал на фестиваль «Балтийский дом», который проходил с 4 по 15 октября. Он не показывает никакого спектакля — его пригласили как почетного гостя. Мне в Балтийском медиа-центре довелось с ним пообщаться чуть больше на правах модератора — пригласили вести встречу режиссера с журналистами. Виктюрк меня называл вредным и возмущался, как это я не знаю блюдо «гефилте фиш» (я это блюдо знаю, но он не верил). Но рассказывал, кажется, с удовольствием. Получилось, правда, не интервью, а сборник моноспектаклей с моими ремарками.

ПРО КЛИЧКО

— А что вы будете делать в роли почетного гостя? Просто смотреть постановки как зритель?

— Да. Это великое счастье и одновременно — великое несчастье.

— Почему?

— Потому что ты предчувствуешь и хочешь увидеть одно. А иногда получается по-другому. Нужно быть готовым к такому... как Кличко, украинец, который выиграл-таки у русских! Знаете, как сейчас вся Украина ликует? А он еще хочет быть президентом. Он и драку, по-моему, устроил, чтобы выиграть именно у Москвы. Украина если на что решилась... всю энергетику, которая там зреет, он аккумулировал в себе и сказал миру таким образом: «Украина будет в Европе!»

— Это уж вы в серьезную геополитику пошли...

— Гео? Это разве геополитика? Никакую землю Кличко ни у кого не забирает.

— Хорошо, тогда просто политика. Но я-то хотел про театр спросить. Кого вы ожидаете увидеть на «Балтийском доме»?

— Я очень жду Някрошюса, которого я знаю еще с периода своей работы в Вильнюсе, в начале своей карьеры. Его «Божественную комедию» я видел еще в самом начале. Тогда спектакль шел шесть часов. Сейчас уже всего четыре.

Я единственный иностранец, между прочим, кто в Литве ставил спектакли в их национальных театрах. Единственный! Больше они никого никогда к себе не допускали. Если кто видел «Отелло» — замечательный Владас Багдонас — так вот он первую роль играл в моем спектакле.

И не только он был у меня. Еще главный режиссер Театра Вахтангова, Римас Туминас, который привозит в «Балтийский дом» своего «Онегина». Я там же, в

Литве, репетировал и назначил его на главную роль. Ему было совсем мало лет, он осторожничал. Я пытался его как-то расшевелить — это было бесполезно. Сказал ему тогда: «У тебя такой аналитический ум! Иди в режиссеры!» И он пошел. До сих пор меня благодарит.

Программа фестиваля большая, любопытная, играют замечательные артисты.

ПРО ГАЗЕТЫ

— Вот шестого числа был спектакль «Ты, я» по Илье Члаки — очень хорошо играют... Но пьеса для меня вторична, потому что я первый ставил и Вампилова, и Рощина, и Петрушевскую. Это нельзя было ставить — а я ставил и за это получал. Раньше до сих пор. За мою постановку «Уроков музыки» Петрушевской закрыли грандиозный Университетский театр, который начинал Ролан Быков. Мы репетировали пьесу, препарировавшую систему, в ста метрах от кремлевской стены. Тут была нужна смелость. Попасть на спектакль тоже было нельзя. Конная милиция... Все лучшие ребята — Андрюша Миронов, Михаил Ефремов — писали сначала ректору университета. Потом Брежневу коллективное письмо. Ответа не было.

Вызвала меня начальница горкома по культуре. Такая здоровая женщина с украинской фамилией, в сапогах... Я пошел к ней один. Вошел в кабинет — с улыбкой. Понимаешь? Как ребенок. Будто бы ничего не понимаю. Ну что я буду изображать власть!

Лицо у нее нехорошее. Она сказала: «Сядьте!» Я быстро сел на краешек стула, так, чтоб дверь из виду не терять. Думаю: как только она тебе сделает «епс» — тут сразу удирай... Напрасно смеешься, это был нерадостный момент.

Гляжу — перед ней лежат газеты.

«Правда», «Комсомолка», «Известия». Все там писали, что я произвел настоящее открытие. Великие тексты!

Думаю: чего же мне бояться? Когда она мне стала говорить: «Как вы посмели?» — я говорю: «А вы читали нашу прессу?»

«Да!»

«Все прочитали?»

«Да!»

«А пьесу читали, спектакль смотрели?»

«Не читала, не смотрела и не буду! Я и так все знаю».

Я говорю: «Ну так скажите мне! Наша пьеса подкупна?»

Она встала в своих сапогах, наклонилась надо мной и сказала: «Да!!!»

Я сказал: «До свидания». Так и не могу ответить на вопрос: «За что?» Театр все равно закрыли... Ты думаешь, я страдал? Нет! Я ушел и хохотал. У меня выключились все драматические ноты. Только тем и можно было спастись.

ПРО УКРАДЕННОЕ СЧАСТЬЕ

— Я ведь ставил во всех театрах, которые обслуживали систему. Это и МХАТ, и Моссовет, и Вахтанговский. Звонит мне Олег Николаевич Ефремов и говорит: «Приближается 50 лет со дня основания СССР. Не знаю, что ставить. Подумай, через два месяца мне скажешь». Я говорю: «Зачем мне два месяца? Я сейчас скажу — «Украденное счастье» Франко».

Он говорит: «Это тот испанец?» Тут он меня озадачил... Что ты все смеешься, я

тебе правду рассказываю! В общем, он сказал: «Это ставь». (Иван Франко — украинский писатель и драматург. — Прим. ред.)

Премьера. Я подхожу к МХАТу и вижу афишу: «К 50-летию образования СССР. «Украденное счастье». А вечером на премьеру приезжает Политбюро. Это страшнее всего.

Позвали Ефремова. Он приходит, играет желваками. Я ему говорю: «Это не я, это вы афишу утвердили». Он говорит: «Ох, б... ты нас всех в Сибирь отправишь».

Да... Так что в театр я буду приходить просто как человек.

— Будете в антракте делиться мнением со зрителями?

— Ну конечно! Петербуржцы — моя любимая публика! Самая культурная и высокодуховная.

— В последнее время в Петербурге очень по-разному...

— Ну вот представь себе реки! У них есть могучий механизм самоочищения. Глубина поднимается наверх, и вся эта муть верхняя исчезает. Нужно в это верить, а не видеть наверху плывущие экскременты. Раньше была цензура. Сейчас Мединский говорит, что цензуры нет. Есть власть тех, у кого капитал, кто заказывает искусство по своему вкусу... Но Нева рано или поздно очистит сама себя.

Федор ДУБШАН
Фото Натальи ЧАЙКИ

Р. С. После фестиваля «Балтийский дом» Роман Виктюрк обещал приехать — уже не с пустыми руками, а с новой постановкой.

«Мы готовим сейчас спектакль по американской пьесе «Несравненная». 4 ноября сыграем премьеру в Москве, а потом сразу привезем в Петербург. Героино зовут Флоренс Фостер Дженкинс. Это была самая плохая певица в мире. У нее не было ни голоса, ни ритма. Она не попадала ни в одну ноту. Над ней смеялись, пресса ее уничтожала. А великий Карузо говорил, что в ней есть священный огонь. Она выступила в 1944-м в главном зале мира — в «Карнеги-холле». Собрала аншлаг. Хохот стоял безумный. Но она пела. Через месяц она умерла — счастливой».